

Чу Юньдуань просидел так добрую половину минуты, не говоря ни слова, и смотрел на него так пристально, что Бэй Мин уже успел покрыться испариной, прежде чем наконец произнес:

— А что, если в обмен на гармонию в нашей интимной жизни ты не будешь рожать детей?

Услышав это, Бэй Мин замер. Вообще-то, когда он только решил жениться на Чу Юньдуане, он прекрасно понимал, что жить душа в душу всю жизнь без интимной близости у них не получится, и заранее морально к этому подготовился. Помимо прочего, предполагалось, что им придется завести ребенка. Но сейчас Чу Юньдуань заявляет ему: мы можем просто жить интимной жизнью и не заводить детей. Разве это не величайшая удача?

Чу Юньдуань встал. Полотенце держалось слабо и соскользнуло вниз по его бедру, но в самый последний момент он успел перехватить его рукой, прикрывая самое сокровенное.

Бэй Мин все еще прижимался спиной к стене, тупо и несколько заторможенно глядя на его руку.

Чу Юньдуань спросил:

— Насмотрелся?

— Н-нет... — Бэй Мин опомнился и заикальщиков, не в силах связать и двух слов.

— Подумай хорошенько, — сказал Чу Юньдуань, выключил верхний свет в спальне и поторопил его: — Марш в душ, а то завтра утром опять не встанешь.

Лампа над головой Бэй Мина внезапно погасла. Едва придя в себя, он шаг за шагом поплелся к ванной. Дойдя до двери, он не удержался и снова оглянулся.

Чу Юньдуань лежал на кровати и, заметив, что тот стоит на месте ни живой ни мертвый, поинтересовался:

— Что такое?

Бэй Мин с опаской спросил:

— Ты что, правда гей?

Тот помолчал немного, обнаружив, что это предположение, пожалуй, не так уж трудно принять: Чу Юньдуань здоров, соблюдает правила гигиены, от него не пахнет потом, а судя по его поведению днем, в постели он вряд ли будет особенно свиреп... или будет?

Заходя в ванную, Бэй Мин выглядел совершенно потерянным, его терзали глубокие внутренние сомнения: он вел смертельную борьбу с самим собой — то ли пожертвовать своей пятой точкой, то ли животом. Если подумать с хорошей стороны: раньше-то ему в любом случае пришлось бы пожертвовать задницей, а теперь можно ограничиться только ей — чистая выгода! Но стоило ему представить, как какой-то мужик ежедневно мнетя поверх него, по телу пробегала дрожь. А если этот человек — Чу Юньдуань?

Чу Юньдуань с улыбкой кивнул.

Чу Юньдуань немного помолчал. Видимо, рассердившись, он спустя какое-то время бросил:

— Забудь.

— Первым цену называет заказчик, я не могу вот так сразу выдавать свои козыри, — Бэй Мин спарился в полотенце от жары и высунул наружу голову.

Когда Бэй Мин вышел из ванной, он был не только полностью одет, но и завернут в банное полотенце так, что стал похож на гриб.

Судя по тому, с каким напором тот задал вопрос, Чу Юньдуань хотел было отшутиться, но, подумав, передумал и спросил:

— А как часто ты бы хотел?

— Ну, то, о чем ты только что говорил: интимная жизнь взамен на отказ от детей, как часто ты хочешь этим заниматься? — он по-прежнему стоял на месте.

— М? — отозвался Чу Юньдуань.

— Да брось ты, мы знакомы всего ничего, — Бэй Мин нахмурился и сердито посмотрел на него. — Никакой искренности. — Затем он снова спросил: — Если меня трахнуть, действительно можно не рожать детей?

Чу Юньдуань ответил:

— Возможно, раньше я был натуралом, но, познакомившись с тобой, проникся чувствами со временем, и меня покорили твоя наивность и миловидность...

Чу Юньдуань сидел в изголовье кровати и читал книгу. Увидев его в таком виде, он с усмешкой произнес:

— Неужели всё так серьезно?

— Конечно серьезно, кто поручится, что в тебе не проснется внезапный зверь? — Бэй Мин стоял в двух метрах от него и допытывался: — Так какая частота у того дела, о котором ты говорил?

— А? — Бэй Мин отбросил полотенце, бросился на кровать и принялся дергать одеяло Чу Юньдуаня. — Да ты обидчив донельзя! Еще ничего толком не произошло, а ты уже заладил: забудь, забудь! Обо всем можно договориться!

Чу Юньдуань уткнулся лицом в одеяло и зашелся смехом.

Бэй Мин понял, что над ним просто подшучивают, и возмущенно выдал:

— Надо же, еще и издеваешься, опять издеваешься! Я с тобой еще не расплатился за то, что ты при женитьбе выдавал себя за натурала! Ты вообще натурал или нет?

Чу Юньдуань закрыл глаза и притворился спящим.

— Ты что, и про то, что нам не придется детей заводить, если мы займемся этим самым, тоже пошутил? — не унимался Бэй Мин.

Чу Юньдуань словно воды в рот набрал и наотрез отказывался раскрывать рот.

Бэй Мин до смерти хотел отзлоститься и укусить его пару раз, но боялся, что после этого укуса уже не поймешь, кто кого съест, так что пришлось оставить эту затею. Ложась спать, он изо всех сил тянул на себя одеяло, пытаясь заморозить Чу Юньдуаня насмерть.

Пару раз дернув одеяло впустую, Чу Юньдуань предупредил:

— Если ты не отдашь мне одеяло, я тебя обниму.

Одеяло тут же ослабло. Повернувшись к нему спиной, Бэй Мин почувствовал, как матрас рядом просел под тяжестью движений. Бэй Мин уже решил, что Чу Юньдуань собирается его обнять, но, обернувшись, обнаружил, что тот просто лежит к нему спиной. Его силуэт был неподвижен, и в нем не угадывалось ни малейшего намерения проявить дурные замыслы.

Бэй Мин не выдержал и спросил:

— Ты серьезно пошутил насчет того разговора?

На этот раз Чу Юньдуань подал голос, и в его тоне слышалось веселье:

— А если бы не пошутил, ты бы согласился?

— Если подумать... почему бы и нет, — Бэй Мин перевернулся на другой бок лицом к его спине.

Чу Юньдуань не шевелился: он боялся, что стоит ему повернуться, как он не удержится и прижмет Бэй Мина к постели.

А Бэй Мин продолжал говорить:

— Я тут подумал: тебе ведь сейчас тридцать три. Хотя, если брать среднюю продолжительность человеческой жизни, впереди еще полно прекрасной юности, но мы же оба мужчины и понимаем друг друга. У мужиков после двадцати пяти сексуальные возможности неизменно идут на спад. Ну, возьмем твое лучшее состояние: раз в неделю — этого точно хватит? Больше — только с таблетками. Если отталкиваться от такой частоты...

Чу Юньдуань не выдержал и повернулся — ему безумно захотелось продемонстрировать, каковы его сексуальные возможности на самом деле.

Заметив, что тот обернулся, Бэй Мин воодушевился еще сильнее и, заглядывая ему в лицо, продолжил:

— Ты только не сердись, я же говорю чистую правду, тут есть научное обоснование. Мы с тобой уже в одной постели спим, о чем еще тут молчать?

Чу Юньдуань свирепо процедил:

— Раз в неделю точно не хватит, даже не думай.

Бэй Мин хмыкнул и усмехнулся:

— Ой, ладно-ладно, ты ого-го, ты можешь всё, просто супер-могешь, доволен? Боже мой, как же хрупко мужское самолюбие.

С этими словами он перестал ломать голову, с улыбкой закрыл глаза и заснул. А Чу Юньдуань остался лежать с комом в груди — ни вздохнуть ни выдохнуть. Ему хотелось показать, может он или нет, но он боялся напугать парня, а не показать — значит, молча подтвердить правоту слов Бэй Мина о его несостоятельности. От злости сон у него пропал окончательно.

Проснувшись утром, Чу Юньдуань с огромными темными кругами под глазами лежал на кровати и в упор смотрел на Бэй Мина. Стоило Бэй Мину открыть глаза, как он наткнулся на этот взгляд, испуганно всхлипнул и, полусонный, снова уткнулся носом в одеяло, бормоча:

— Ты чего... напугал до смерти.

Чу Юньдуань приподнялся, потер лицо руками и спросил:

— Вставать собираешься?

Бэй Мин повертелся в одеяле и отозвался:

— Встаю... иди умывайся первый.

Глядя на него, Чу Юньдуань все равно находил его чертовски милым, поэтому с тяжелым вздохом отправился приводить себя в порядок первым.

Когда они выходили из дома, один из них выглядел бодрым и полным сил, а второй — откровенно не выспавшимся. Не выспавшимся был Чу Юньдуань, пролежавший с открытыми глазами пол ночи, а полным сил — двадцатитрехлетний парень Бэй Мин.

За ночь Бэй Мин полностью во всем разобрался: история, которую Чу Юньдуань рассказал ему о замене деторождения гармоничной интимной жизнью, явно была шуткой. Тот небольшой инцидент с расстегиванием галстука, скорее всего, объяснялся тем, что Чу Юньдуань слишком долго жил холостяком и немного потерял самоконтроль в момент легкой двусмысленности — это можно понять, ведь в конце концов Чу Юньдуань так и не признался, что он гей. Разве это не доказательство? Одно только его ослиное упрямство в стиле ни за что не согнусь и отказ признавать очевидное выдавали в нем стопроцентного натурала.

<http://bllate.org/book/24713/2912466>